

К вопросу обеспечения прав человека в условиях пандемии Covid-19

On the Issue of Human Rights in the Covid-19 Pandemic

Епифанов А.Е.

профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, Профессор кафедры теории истории права и государства Астраханского государственного университета
e-mail: mvd_djaty@mail.ru

Epifanov A.E.

Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Institute of Management, a branch of RANERPA. Professor, Department of Law History theory and state, Astrakhan State University Professor
e-mail: mvd_djaty@mail.ru

Алимова Е.Н.

Магистр права, Государственное учреждение здравоохранения «Клиническая больница № 5», Заместитель главного врача по клинико-экспертной работе
e-mail: alimova.elen@gmail.com

Alimova E.N.

Master of Law, State Health Institution «Clinical Hospital No. 5», Deputy Chief Medical Officer for Clinical And Expert Work
e-mail: alimova.elen@gmail.com

Аннотация

В статье затрагиваются международно-правовые аспекты обеспечения прав человека и правоограничений, соответствующая деятельность национальных и международных органов здравоохранения в условиях пандемии коронавирусной инфекции. Авторы анализируют положения важнейших международных соглашений в изучаемой сфере и практику их реализации.

Ключевые слова: права человека, здоровье, государство, пандемия, коронавирус, Организация Объединенных Наций, Всемирная организация здравоохранения.

Abstract

The article touches on the international legal aspects of human rights and legal restrictions, the relevant activities of national and international health authorities in the context of the coronavirus pandemic. The authors analyze the provisions of the most important international agreements in the area under study and the practice of implementing them.

Keywords: human rights, health, state, pandemic, coronavirus, United Nations, World Health Organization.

В международном контексте права человека являются не только признанием того, что каждый из нас рождается свободным и равным в своем достоинстве и правах, но и инструментом достижения глобальной справедливости. Международное право человека устанавливает обязательства, которые государства обязаны соблюдать. Становясь участниками международных договоров, государства берут на себя обязательства и обязанно-

сти по международному праву уважать, защищать и осуществлять права человека. Обязательство уважать означает, что государства должны воздерживаться от вмешательства или ограничения осуществления прав человека. Обязательство защищать требует от государств защищать отдельных лиц и группы лиц от нарушений прав человека. Обязательство выполнять означает, что государства должны принимать позитивные меры для содействия осуществлению основных прав человека [4].

Но также мы живем в «глобализированном» мире, где технологии и политика сблизили мир больше, чем когда-либо прежде. Глобализация – это явление, движимое технологией и движением идей, людей и товаров [5]. Еще в 2019 г. Всемирный экономический форум (ВЭФ) в Давосе ознаменовался появлением понятия «глобализация 4.0», которое в настоящее время постепенно проникает в академические дебаты, при этом пока преимущественно в области исследований в цифровой сфере [6, с. 82]. «Глобализация 4.0» представляет собой процесс и результат конвергенции цифровых, физических и биологических трансформаций [6, с. 83]. Новая глобализация влечет за собой появление новых способов управления и сотрудничества и поэтому бросает вызов существующему миропорядку [6, с. 83], требуя создания новых глобальных норм и стандартов.

Надвигающейся «шторм» от глобализации 4.0 мировое сообщество почувствовало на себе в 2020 г., когда процессы глобализации оказались детерминирующими факторами в возникновении пандемии COVID-19.

На протяжении всей истории человечества глобализация и пандемии были тесно переплетены. Черная смерть (чума) пришла в Европу в октябре 1347 г., когда двенадцать кораблей из Черного моря причалили к Сицилийскому порту Мессина. Слово карантин происходит от итальянского слова «сорок дней», период изоляции, необходимый для кораблей и их экипажей во время пандемии Черной смерти [3].

Сверхскоростные темпы четвертой промышленной революции требуют преобразований не только от отраслей производственной и не производственной сфер, но и пересмотра подходов в управлении национальными и глобальными институтами на фоне нарастающей критики Организации Объединенных Наций и ее специализированных институтов, устав которой по-прежнему остается главным источником международного права.

Изменения, которые происходили в 2020 г. и происходят сегодня, не изолированы от конкретной страны или отрасли, они универсальны и потребовали от национальных правительств такого же универсального кризисного управления и ответа.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) в своем сообщении «Готовность к пандемии» 2004 г. указывала, что даже при самых оптимистичных сценариях следующей пандемии от 2 до 7 млн чел. умрут, а медицинская помощь потребуется десяткам миллионов [7]. По данным ресурса института Джона Хопкинса, отражающего статистические данные по ковид-19 в режиме реального времени на 19.04.2021, число смертей, связанных с новой коронавирусной инфекцией, составило 3 020 990, а общее число случаев заболеваний 141 459 551 [8].

30 января 2020 г. генеральный директор ВОЗ д-р Тедрос Адханом Гебрейесус объявил вспышку нового SARS-Cov-2 чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение. 11 марта 2020 г. ВОЗ объявила о начале пандемии COVID-19.

Как представляется, объявление ВОЗ чрезвычайной ситуации в сфере общественного здравоохранения, имеющей международное значение, является исключительным основанием для ограничения государствами ряда прав граждан в целях определения стратегии принятия мер по борьбе с угрозой здоровью населения или отдельным лицам, как того требует п. 25 Сиракузских принципов толкования ограничений и отступлений от положений Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП) [9] и позволяет призывать государства-члены к неукоснительному выполнению положений Международных медико-санитарных правил (ММСИП). Последние направлены на предохра-

ние, распространение и борьбу с болезнью или медицинским состоянием, независимо от происхождения или источника, которое представляет или может представлять риск нанесения людям значительного вреда, и обязывает государства создать определенный минимальный основной потенциал общественного здравоохранения. ММСП, как ключевой глобальный инструмент защиты от международного распространения болезней, уже содержит утвержденный членами ВОЗ перечень правоограничительных и рекомендуемых мер.

С этой точки зрения угроза распространения или распространение вирусного заболевания, вызывающего высокую смертность среди населения, является основанием, в отношении которого государствам рекомендовано вводить мероприятия, так или иначе ограничивающие права и свободы лиц, находящихся на территории с чрезвычайной ситуацией в области здравоохранения, имеющая международное значение, как того требует ч. 3 ст. 12 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), в соответствии с которым необходимыми условиями правоограничений являются законность и насущные потребности охраны госбезопасности, общественного порядка, здоровья, а также нравственности населения [10].

В аналогичном порядке ч. 1 ст. 15 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКПЧ) в случае войны или каких-либо угрожающих жизни нации экстраординарных обстоятельствах также допускает отступление от принятых обязательств, но лишь в обусловленных чрезвычайностью обстоятельств пределах. Предпринимаемые ограничительные меры также не должны идти вразрез с принятыми международно-правовыми обязательствами [11].

В контексте изучаемой проблематики ВОЗ воплощает на практике основополагающие международные принципы права на здоровье. Так, согласно им, без различия политических убеждений, экономического или социального положения, религии или расы, обладание максимально возможным уровнем здоровья представляет собой одно из важнейших прав каждого человека без исключения. В качестве основного фактора достижения мира и безопасности, оно находится в прямой зависимости от полноценного сотрудничества, как физических лиц, так и государств. Достижения любого государства по улучшению и охране здоровья являются всеобщим достоянием, что единодушно признано всем международным сообществом. Неодинаковое развитие в различных странах мер по здравоохранению и борьбе с болезнями, особенно заразными, представляет всеобщую опасность [12].

Резюмируя вышесказанное, можно выделить два основания для применения правоограничений. Это, во-первых, введение в государстве особого государственно-правового режима чрезвычайного положения и, во-вторых, наличие чрезвычайных ситуаций в виде угроз. Объектом последних служат здоровье или нравственность населения, общественный порядок и государственная безопасность, которые так или иначе могут выступать самостоятельными причинами для введения чрезвычайного положения. Чрезвычайное положение, как представляется, выступает в качестве режима наибольшего «неблагоприятствования». Это одна из наиболее радикальных форм ограничительного режима [1, с. 32].

Пандемия COVID-19 отличилась не только скоростью и масштабностью вовлечения стран, но и разнообразностью вводимых государствами ограничительных режимов: чрезвычайное экономическое положение, национальный режим повышенной готовности, режим чрезвычайной ситуации, «локдаун», режим повышенной готовности, основное содержание которых составляют ограничительные мероприятия по различным направлениям функционирования государства.

Рассматривая правовые основы правоограничений, следует помнить о правах, отступления от которых не допускается – это права, предусмотренные ст. 2 и ст. 3 Европейской конвенции по правам человека, а также п. 2 ст. 4 МПГПП. Только права, в отношении которых допускаются отступления, позволяют государству принимать соответствующие ограничительные меры.

Основное право, которое подверглось ограничению во время пандемии COVID-19 без исключения во всех странах, – право на свободу.

Свобода.

Ч. 1 ст. 9 МПГПП гласит «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность», что полностью соответствует по смыслу и содержанию положению ч. 1 ст. 5 ЕКПЧ.

При этом следует учитывать, что ст. 5 ЕКПЧ защищает человека только от лишения свободы, но не от ограничения. Однако, грань между лишением и ограничением свободы очень тонкая и, в конечном счете, ограничение свободы может представлять фактически ее лишение на определенный промежуток времени. Причем в перечне ситуаций, о которых ст. 5 ЕКПЧ трактует как о законном, оправданном лишении свободы, значится заключение лиц под стражу. Последнее направлено, в том числе, на противодействие распространению инфекционных заболеваний. По нашему мнению, определяющее значение здесь имеет законность применяемых ограничительных мер. Поскольку положения данной статьи не касаются прав, не подлежащих ограничению, диапазон допустимых отступлений вполне может быть расширен, в частности, это касается здоровых лиц. Веденный в начале 2020 г. во многих странах в ответ на пандемию режим «локдауна» или режим «изоляции» направлен, прежде всего, на снижение темпов передачи вируса, за счет реализации мер социального дистанцирования. Термин «изоляция» намного шире понятия «карантин» и, в конечном счете, может включать в себя карантинные меры. Изоляция выразилась не только в закрытии границ между государствами, внутри стран закрывали предприятия общественного питания, музеи, театры, вводился особый режим работы государственных организаций, граждане могли покидать свои дома, только исходя из принципа «обоснованной разумности». Совершенно уникальным для настоящей пандемии стало использование многими странами системы пропусков. Пропускной режим, в том числе с использованием QR-кода, вводился в России, Китае, Франции, в Италии для выхода из дома требовалось заполнение самодекларации, в Греции и Азербайджане требовалось направить СМС-сообщение на установленный номер [13].

QR-коды – это распространенный тип электронной системы регистрации. QR-коды работают как штрих-коды с информацией, которая может быть прочитана камерой смартфона.

Рекомендованные ММСП меры по отслеживанию контактов подозрительных на заражение или зараженных лиц, которые применяются совместно с требованием соблюдения режима «изоляции» направлены на замедление темпов распространения коронавируса и явились основанием для использования государствами цифровых технологий в отношении своих граждан. Можно сказать, что 2020 г. явился годом мирового прорыва в области внедрения цифровых систем наблюдения и идентификации лиц. Однако цифровое отслеживание контактов создает значительные риски для конфиденциальности персональных данных личности.

Цифровизация затронула практически все типы социальных отношений задолго до COVID-19. Обмен данными в массовом масштабе и для многих целей в цифровом мире означает, что личная информация человека становится все более открытой для атак и неправильного использования.

Использование правительствами в ответ на COVID-19 цифрового отслеживания контактов требует пристального изучения и правовой проработки.

В Китае правительство назначило жителям обязательные цветные коды (красный, желтый, зеленый), которые граждане получали после регистрации в специальном приложении для смартфона, указав предварительно свои персональные данные, историю перемещений, отсутствие или наличие медицинских симптомов [14]. Такие жесткие меры были введены Китаем в 2020 г. после заявления ученых о том, что новый коронавирус не получится полностью искоренить [15].

Гонконг для обеспечения карантинных мер потребовал от всех приезжающих самокарантина в течение двух недель и обязательное ношение электронного браслета, который связан с приложением для смартфона [16].

Новая Зеландия призвала жителей использовать NZ COVID Tracer для смартфонов, которое они могут использовать для сканирования плакатов с правительственными QR-кодами для отслеживания перемещений и контактов [17].

Введение механизма отслеживания контактов посредством QR-кода имеет принципиальное значение для соблюдения конфиденциальности и соблюдения права человека на свободу и личную неприкосновенность, поскольку, как мы смогли убедиться, многие методы включают в себя сбор информации о здоровье и о местоположении гражданина.

По нашему мнению, электронный механизм отслеживания контактов должен быть пропорционален текущей ситуации в области общественного здравоохранения на конкретной территории и служить законной цели, и действовать на основании закона, в котором будут отражены цели, задачи вводимых мероприятий. Успех в этой области возможен только при добровольном сотрудничестве граждан и обеспечении государством прозрачности вводимых механизмов, физические лица должны получить полную информацию конфиденциальности и защите своих данных, а собираемая информация должна соотноситься только с целями, в отношении которых она собирается. Также такие приложения могут использоваться национальными системами здравоохранения для обеспечения своевременного доступа к медицинским услугам, сигнализируя гражданину о необходимости обратиться за медицинской помощью.

Как и ММСП глобальная стратегия борьбы с COVID-19, утвержденная ВОЗ, рекомендовала каждой стране внедрять всесторонний комплекс мер, соответствующий ее возможностям и ситуации, чтобы замедлить передачу вируса и сократить смертность, связанную с COVID-19, который должен включать мобилизацию всех структур и населения на борьбу с пандемией, с целью обеспечения принятия ответственности всеми государственными и общественными секторами и участия в ответных мерах и предотвращении случаев заболевания путем соблюдения гигиены рук, «респираторного этикета» и физического дистанцирования всех и каждого, контроль спорадических случаев и очагов и предотвращение передачи вируса среди населения путем быстрого выявления и изолирования всех случаев, предоставления надлежащей медицинской помощи, отслеживания, карантина и поддержки для всех контактировавших с заболевшими, подавление передачи вируса среди населения путем принятия соответствующих ситуации мер предотвращения и контроля инфекции, всеобщих мер физического дистанцирования, а также надлежащих и соразмерных ограничений на внутренние и зарубежные поездки, в которых нет настоятельной необходимости. Право человека покинуть любую страну, включая свою собственную, гарантируется ст. 2 Протокола № 4 ЕКПЧ. Однако ст. 2 предусматривает, что на него могут распространяться ограничения, в том числе по охране здоровья, если это необходимо в демократическом обществе. На основании вышесказанного, мы можем сделать вывод, что по закрытию границ международное право предоставляет государствам достаточно широкие полномочия, те же полномочия указаны и в ММСП, например, запрет на въезд и выезд. В таких условиях особо уязвимой группой оказались трудовые мигранты, которые зачастую не имеют официальных документов и работают в теневом секторе экономики. Не имея возможности покинуть страну пребывания в связи с закрытием границ, эти лица, как правило, не имеют доступа к услугам здравоохранения и социальной поддержки. Следуя общим принципам защиты прав человека при введении правоограничений в связи с пандемией COVID-19, государства должны обеспечить охрану здоровья для каждого человека, не оставляя никого без внимания. Временное ограничение на выезд для всех лиц, если есть неуверенность в том, заразят ли они людей там или вернуться в страну, заразившись, должно рассматриваться как установление справедливого баланса между требованием общих интересов и прав заинтересованных лиц.

Медицинское обследование и принудительное лечение.

Задержание кого-либо с целью проверки на COVID-19 может быть оправдано в соответствии с ч.1 ст. 5 ЕКПЧ, поскольку это сделано для обеспечения выполнения обязательства, предписанного законом, если действительно существует законная необходимость в этом отношении.

Любое такое задержание не должно быть произвольным или преследовать скрытые цели. Более того, он должен уважать принцип соразмерности и быть разработан для обеспечения немедленного выполнения обязательства и, следовательно, должен быть довольно коротким и обязательно прекращаться после выполнения обязательства.

С другой стороны, принудительная госпитализация больного с COVID-19 не должна нарушать ст. 3 ЕКПЧ. Конечно, этого не будет, если убедительно доказана медицинская необходимость и соблюдены процессуальные гарантии.

ММСП указывают, что медицинское обследование, вакцинация или санитарная мера могут осуществляться применительно к лицам только при условии их четко выраженного предварительного информированного согласия или согласия их родителей или опекунов, в случаях, если такое согласие не получено и при наличии данных о неминуемом риске для здоровья населения государство-участник в соответствии с национальным законодательством и в той степени, в которой это необходимо для установления контроля над таким риском, может вынудить лицо подвергнуться как можно менее инвазивному и интрузивному медицинскому обследованию, которое позволит достичь цели общественного здравоохранения; вакцинации или другим профилактическим мерам; или дополнительным установленным медико-санитарным мерам, которые позволяют предотвратить или установить контроль над распространением болезни, включая изоляцию, карантин или помещение лица под медицинское наблюдение.

Как следует из вышеназванных правил в целях защиты жизни и здоровья окружающих, медицинские меры могут применяться в недобровольном порядке без соблюдения принципа добровольного информированного согласия.

Говоря о медицинском обследовании и принудительном лечении необходимо затронуть вопрос вакцинации населения, которая является надежным способом ликвидации инфекционного заболевания, при отсутствии достоверных методов лечения. Информационные войны, которые сопровождали старт вакцинации в разных странах, не способствовали привлечению населения к добровольной вакцинации, а, наоборот, посеяли панику и отказ граждан многих стран от вакцинации. Некоторые страны планируют создавать специальные реестры для отказавшихся граждан [18], другие ставят запрет на деятельность при отсутствии вакцинного паспорта [19].

Полагается, что только в условиях повышенной угрозы общественному здравоохранению введение обязательного медицинского обследования, лечения и вакцинации служит одним из способов восстановления режима привычного функционирования государства и общества.

Свобода собраний и объединений.

Свобода политических, религиозных или общественных собраний, гарантированных ст. ст. 8, 9 и 11 ЕКПЧ также подпадает под ограничение, что представляется допустимым в условиях молниеносного распространения инфекции через личные контакты в больших коллективах. В случае если собрание состоялось, то его разгон не является нарушением права на свободу собраний, поскольку это необходимо для защиты здоровья и безопасности участников собрания. Несомненно, что религиозное поклонение не всегда должно быть коллективным, а социальные контакты можно поддерживать с помощью различных дистанционных форм, которые могут обеспечить современные технологии.

Свобода информации.

Недостаточная изученность нового типа коронавируса в начале пандемии была причиной спекулятивных сообщений в информационном пространстве о природе и характере распространения вируса, которые вызывали панические настроения в обществе, что могло расцениваться существенным основанием для властей различных стран по введению

ограничений на свободу получения и распространения информации и идей в осуществлении права, гарантированного ст. 10 ЕКПЧ. В условиях пандемии международные нормы о правах человека обязывают государство обеспечивать гарантии свободы выражения мнений. Государства должны обеспечивать своих граждан достоверной и оперативной информацией о текущей эпидемиологической ситуации. Это важно для недопущения распространения ложной и некорректной информации. Мы утверждаем, что любые правоограничения в этой сфере могут негативно сказаться на формировании общественного доверия к проводимым мероприятиям. Так же по нашему мнению в случае использования социальных сетей отдельными лицами установление уголовной ответственности за публикации в социальных сетях не будет рассматриваться как соответствующее ст. 10 ЕКПЧ при отсутствии каких-либо попыток оценить потенциал имеющихся заявлений спровоцировать любые вредные последствия с учетом политического и социального фона, на котором они были созданы, и масштабов их действия.

Свобода образования

Следующим распространённым правоограничением в период пандемии явилось ограничение права на образование, выразившееся в повсеместном закрытии школ и переходе на дистанционное обучение. Любые налагаемые ограничения должны ограничивать право до такой степени, чтобы ущемлять его суть и лишать его эффективности. Дистанционное образование с помощью онлайн-средств не умаляет сути и эффективности образования и не может служить причиной прекращения обучения. И, хотя конкретные цели не указаны в качестве основы для введения ограничений, чрезвычайная ситуация в области общественного здравоохранения будет считаться законным основанием для этого ограничения, а само ограничение совместимым со ст. 2 Протокола № 1 ЕКПЧ в том случае, если существует разумная пропорциональная взаимосвязь между используемыми средствами и целью, которую стремятся достичь, например, замедление темпов распространения вируса и защита определенных возрастных групп населения.

При оценке того, было ли нарушено определенное право, Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) оценивает: имело ли место вмешательство в рассматриваемое право, было ли это вмешательство оправданным, было ли вмешательство предусмотрено законом, служило ли оно законной цели, была ли необходимость в демократическом обществе достичь поставленной цели [2, р. 51]?

В ст. 15 ЕКПЧ указано, что отступление от обязательств по Конвенции возможно только в той степени, в какой это обусловлено чрезвычайностью ситуации, по нашему мнению, в случае с пандемией такая чрезвычайность подтверждается официальными заявлениями должностных лиц Организации Объединенных Наций.

Принятые всеми правительствами без исключения правоограничительные меры были чрезвычайными, вызваны исключительной ситуацией в области глобального здравоохранения и соответствовали только одной цели – цели сохранения жизни людей.

Механизм глобальной интеграции государств в единое международно-правовое пространство убедительно доказывает, несмотря на разницу в наименованиях вводимых странами ограничительных режимов, направленных на замедление темпов распространения COVID-19, в настоящее время существует унифицированный подход к введению правоограничительных мероприятий.

Степень, в которой любые ограничения, введенные в ответ на чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, создаваемую пандемией, будут сочтены неоправданным вмешательством в права и свободы в соответствии с ЕКПЧ, будет зависеть от конкретной ситуации в государстве-члене с учетом их объема и продолжительности.

Охрана здоровья в условиях пандемий является признанной международным правом законной целью, в соответствии с которой могут быть наложены ограничения на право и на уважение частной и семейной жизни, свободу исповедовать свою религию или убеждения, свободу выражения мнений и свободу собраний и ассоциаций в соответствии со ст. 8-

11. ЕКПЧ и свободу выбора места жительства или выезда из любой страны, включая свою собственную, в соответствии со ст. 2 Протокола № 4 ЕКПЧ.

В случае ограничений, налагаемых на другие права, необходимо соблюдать стандарт, согласно которому они должны быть необходимы в демократическом обществе и, следовательно, соразмерны преследуемой законной цели.

Несмотря на наличие достаточных международно-правовых оснований для допустимости вышеописанных ограничений мы согласны с мнением ряда ученых, что отказ об объявлении чрезвычайного положения, а вместо этого попытка приспособить правоограничения через параметры повседневности имеет риск постоянного закрепления части правоограничений [2, p. 55].

Пандемия рискует навсегда изменить нормы прав человека, правоограничения обязательно будут иметь последствия для осуществления прав и свобод независимо от того, сопровождалось ли их введение объявлением режима чрезвычайного положения и уведомлением генерального секретаря Совета Европы в соответствии со ст. 15 ЕКПЧ об отступлениях или ограничительные мероприятия были частью всеобщей стратегии в борьбе с угрозой общественному здравоохранению.

Подводя итог, хотелось бы выделить общие международно-правовые принципы правоограничений в период пандемий:

1. Официальное признание должностными лицами международных институтов глобального управления чрезвычайной ситуации в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение или распространение инфекции в мировых масштабах – начале пандемии – имеет определяющее значение для правового обоснования временных отступлений в области прав человека.

2. Права человека, определенные в ч. 2 ст. 15 ЕКПЧ, ст. 4 МПГПП, не подлежат ограничению.

3. Другие права человека могут быть ограничены только при соблюдении условий, установленных международным законодательством.

4. Только при объявлении чрезвычайного положения страна может сослаться на положения ст. 4 МПГПП.

5. Любые правоограничения должны вводиться только на основании закона.

6. Закон должен содержать понятия и определения, избегающие двусмысленности и быть совместимым со всеми положениями МПГПП и ЕКПЧ.

7. Закон должен быть доступен для общественности.

8. В законе должны быть указаны конкретные основания для ограничений.

9. При введении правоограничений должен соблюдаться принцип пропорциональности: ограничения должны служить законной цели, они не должны быть слишком широкими и должны применяться только в тех целях, для которых они были предписаны и связаны с конкретной потребностью, на которой они основаны.

10. Правоограничения должны соответствовать своей защитной функции.

Литература

1. *Епифанов А.Е., Джамбалаев Я.Р.* Институт особого государственно-правового режима. История и правовое регулирование: монография. [Текст] / Москва : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2020. – 456 с.

2. Alan Green, *Emergency powers in a time of pandemic.* – Bristol University Press 2020. – 234 с.

3. P. Antràs, S.J. Redding and E. Rossi-Hansberg. *Globalization and Pandemics.* – Published by Centre for Economic Performance London School of Economics and Political Science, 2020. // <https://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp1716.pdf> (Дата обращения: 09.04.21 г.).

4. Основы международного права прав человека. <https://www.un.org/en/about-us/udhr/foundation-of-international-human-rights-law> (Дата обращения: 14.04.2021).

5. Глобализация 4.0 – что это значит?
<https://www.weforum.org/agenda/2018/11/globalization-4-what-does-it-mean-how-it-will-benefit-everyone/> (Дата обращения: 14.04.2021).
6. *Постел-Винай К.* (2020) Глобализация 4.0 и новые модели международного сотрудничества. [Текст] / Вестник международных организаций. – Т. 15. – № 2. – С. 80–87.
7. Готовность к пандемии. // <http://web.archive.org/web/20030202145905/http://www.who.int/csr/disease/influenza/pandemic/en/> (Дата обращения 12.04.21 г.)
8. COVID-19 Dashboard by the Center for Systems Science and Engineering (CSSE) at Johns Hopkins University (JHU) // <https://origin-coronavirus.jhu.edu/map.html> (Дата обращения 19.04.21 г.)
9. Сиракузские принципы о положениях, касающихся ограничения и умаления прав в Международном пакте о гражданских и политических правах. <https://www.refworld.org.ru/docid/4933d0b22.html> (Дата обращения 10.04.21 г.)
10. «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531/ (Дата обращения 07.02.21 г.)
11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями) // <https://base.garant.ru/2540800/> (Дата обращения 07.02.21 г.)
12. ВОЗ по-прежнему твердо придерживается принципов, изложенных в преамбуле Устава. Режим доступа: <https://www.who.int/ru/about/who-we-are/constitution> (Дата обращения: 12.02.21 г.)
13. Как работает система пропусков в условиях пандемии в разных странах. <https://tass.ru/info/8217617>(дата обращения 15.04.21 г.)
14. Китай борется с коронавирусом с помощью цифрового QR-кода. Вот как это работает. <https://edition.cnn.com/2020/04/15/asia/china-coronavirus-qr-code-intl-hnk/index.html> (Дата обращения 15.04.21 г.)
15. Коронавирус каждый год: китайские ученые заявили о невозможности уничтожить COVID-19 // <https://www.forbes.ru/newsroom/obshchestvo/399275-koronavirus-kazhduy-god-kitayskie-uchenyue-zayavili-o-nevozmozhnosti> (Дата обращения 16.04.21 г.)
16. Гонконг вводит электронные браслеты для прибывающих пассажиров, чтобы обеспечить карантин по коронавирусу. <https://www.cnbc.com/2020/03/18/hong-kong-uses-electronic-wristbands-to-enforce-coronavirus-quarantine.html> (Дата обращения 15.04.21 г.)
17. Уровень тревоги 1. // <https://covid19.govt.nz/alert-system/alert-level-1/> (Дата обращения 17.04.21 г.)
18. Вакцинация от ковида: почему не все европейцы хотят делать прививку. // <https://www.dw.com/ru/vakcinacija-ot-kovid-kto-v-evrope-protiv-privivki/a-56241617> (Дата обращения 15.04.21 г.)
19. Кнотом и пряником: как Израиль добился массовой вакцинации от COVID-19 // https://www.dp.ru/a/2021/03/02/Knutom_i_prjanikom_kak_Iz (Дата обращения 15.04.21 г.)